

Стихи:

здесь все по-старому, друг,
в зеркалах лица застыли.
незаточеный карандаш
больше не выведет адреса
получателя и отправителя.
некому писать письма.
нечего конспектировать.
чайник кипит,
пар из носика,
и вода
капает из холодильника
забыли закрыть.

здесь все по-старому, друг
молча сидим.
обсудить бы что?
все уже обсудили.
а новых тем нет.
оскуднел язык,
слова все спрятались,
а мысли
в обтекаемой форме стиха
замирают над формами мебели
и оседают пылью.
в квартире
тушат капусту,
закрывают окна.
заводят будильник.

здесь все по-старому, друг.
мы улыбаемся,
изредка,
но бывает.
ощущение конечности бытия
занимает треть книжной полки
что нам ещё остаётся?
теплота?
но где она сейчас между нами?
я остываю камнем,
все застывают в статуи.
выбило пробки.

отключение горячей воды.
погасла свеча.

ночь держит за руку.
неприятно.
мне бы в объятия.
надо ли?
надо ли наполнять жизнь
смыслами,
знаками?
я не знаю.
хлеб,
масло,
сыр нарезанный,
пакет молока -
пастеризированное.
здесь все по-старому, друг...
разувайся,
проходи в гостиную.

этот день никогда не закончится.
пусть навсегда останется в памяти
нежное вечернее небо,
что нависает
натянутой тканью
над задремавшими облаками,
над людьми дураками,
нами.
над деревьями,
что украшены фонарями.
над двором,
где замер.
над жизнью,
где заперт.
над смертью,
что не оставит.
я делаю фотографию
в память.
я хочу сохранить ее,
зная, что потеряю.

Триптих - Абстрактный Роман

I Глава

Рома из трех букв - это Рим.
подари мне троллейбус, чтобы мог до тебя добираться.
Рома рычит в рацию,
роман в ранце.
не помню как называется,
какой-то "Абстрактный Роман".
знать бы язык из группы романских,
чтобы читать в оригинале,
как мальчик Рома боится грома,
требует рэп-альбома
и дрожит от скорого второго пришествия.
поэтому Рома,
укротив свой нрав,
не грабит районы -
Рома грабит ларьки.
но за грехи
не будет ни ада, ни рая.
Рома - римлян,
и умирая,
проходит в комнату с головой медузы Горгоны
и замирает
статуей
между Вергилием
и Октавианом.

II Глава

Рома проснулся.
Рома - клерк.
Рома с эклером пьет кофе.
Рома смотрит на Римму.
Рома смотрит напротив
и видит - любовь.
а любовь вся в изгибах,
и любой из изгибов -
дорога,
и каждая ведет мимо!
Римма

поймала сердце Романа в капкан.
Рома плачет и помнит,
как молил и кричал:

-не дай бог....
Господи,
пожалуйста, дай служебный роман.
- ну держи.

Рома поперхнулся и взял.
Рома качнулся и встал
на табурет
в столовой,
и, глядя Римме прямо в глаза,
стал читать,
рукою пытаюсь что-то нащупать в кармашке...

...так рвут загадав и пускают по маю
венчики встречных ромашек...

III Глава

Рома рисует картину
"Абстрактный Роман"
или её же
с альтернативным названием
"Любовный погром".
в коричневый цвет красит фон,
вдохновляет себя ромом со льдом,
а за окном
не только дом Ромы,
и не только район,
а, кажется, город
выдыхает дымок
и труб заводов,
пьяных ртов
и частных домов.
эта ночь миротворна.
и стираются грани
между
макромиром
и твоим внутренним личным мирком...

Рома залип...

и тут громом по комнате
разносится звонок в домофон,
в проеме дверном
пожилая Горгона
застыла с ухмылкой,
и чешуя перхотью сыплется на порог.

Рома пьяный.

Рома хочет курить.

Рома выбегает во двор.

оттуда к остановке троллейбусной.

там стоит старый троллейбус,

который уже никуда не поедет.

Рома лезет на место водителя,

крутит руль,

давит педали,

стучит дверьми.

Рома смотрит в зеркало заднего вида

и видит -

вместо прически ужи!

окаменев от неожиданности -

Рома застыл.

Рома замер.

Рома снова залип!

перебирая все определения жизни,

что видел у кашея в стихах.

тут грани стираются.

Рома видит в троллейбусе рацию.

Рома видит кашеева пальцы,

Абстрактный Роман - иллюстрация.

Рома в троллейбусе сидит с сигаретой в зубах,

устав наблюдать, как Кашеев по клавишам клацает -

Рома рычит в рацию.

Роман обрывается

туда-сюда

туда-сюда

туда-сюда
туда...
это жизнь,
и она дребезжит как поезд.
на промежуточной станции, во дворе,
я присел отдохнуть.
весна.
а я чувствую уже запах осени,
наполняющий сыростью и тоской
мою грудь.

во дворе мужики сидят, улыбаются,
обращая внимание на меня.
приглашают к себе рукой дворовые пьяницы,
разгоня мой сонный туман.

я пью из горла.
и эта станция плавится.
я пью из горла.
заполняю собой углы пустоты.

- ну, рассказывай, как твоя жизнь молодая.

он кладет мне ладонь на плечо.
я зеваю...

-пацан, посмотри,
как жуки ползут по рельсам трамвай,
и огоньки
внутри домов зажигают
такие же,
точно такие же мы.
каждый со своими заботами,
живущие на птичьих правах,
по последнему снегу весны
люди спешат с работы,
в подворотню бежит стая собак.
это голод,
и холод,
и страх,
и отчаяние...

ааа..

а я думал это сова....

слова падают как птенцы из гнезда
и улетают,
а я пытался ловить только сны.
накрывал себя с головой одеялом,
и в этом пространстве невиданной высоты
и красоты
воздвигались многоэтажные здания,
сводились и разводились мосты
Я спасал этот город!
Я умирал в этом городе!
Я просто там был..

Просыпайся...
ПРОСЫПАЙСЯ!!!
Ты чё перепил?!

Мужики, мне пора.

И вот я, сонный, иду по кварталам,
массивам.
в 18 я думал,
антиутопия - вся наша жизнь.
в 21 понял, что это архимедова сила.
а жизнь..
жизнь дребезжит как поезд
от дома до остановки,
от остановки до универа
от универа до дома
от дома туда
от туда сюда
и дальше по кругу размеренно:
туда-сюда
туда-сюда
туда...

а ведь сегодня когда-нибудь кончится,
перемещая проблемы на завтра.
глаза смотрят на запад -
там солнце танцует в закате.
остаться в моменте нельзя.

и я делаю шаг в неизбежность,
в ночь,
когда звёздам начертано падат
и те, кто их зажигают -
зажигают надежду
в новом рассвете
последних дней марта.

сердца, утомленные снегом
и короткими днями,
преисполняться нежностью
и вновь засияют.

смотри, это город -
каменный лес панелек.
в каждом подъезде прячется бес,
к каждому бесе сидит бездельник.
в каждом взгляде и жесте,
в каждом действии
(чувствуешь?)
холод.
летят вороны
над головой
под звук метронома города -
звенит колокол.
в домах тени застыли у окон.
в углах комнат формируются дети.
Дорогая, смотри, это город,
и серое небо
бросает в бездну, как в урну, солнце.
возьми в ладони теплое сердце.
я не Данко, а просто,
просто провинциальный бездарь.

этот город плюёт дождём,
мокрым снегом,
засыпает метелью.
наши страхи прикрываются ленью,
а мое слово станет ружьем,
стреляющим в этот город.
Дорогая,

мы вместе, а значит нам все нипочём.
но несмотря ни на что
Он начнёт душить тебя
дЫмными выхлопами.
вот тебе фильтр,
я буду дышать верлибрами,
выдыхая грязь со словами,
стреляя в него
(этот город устанет),
стреляя в упор
(этот город будет сражён),
стреляя в него, стреляя, стреляя

снежинки тают на кончике носа.
приятный мороз.
выпить водки и выйти в футболке
вдыхать свежий воздух.

ведь на небе звезды горят зодиаком.
голодные лают собаки.
я трезвею и лицо розовеет.
нужно приготовить что-то на завтрак.

а тут машины светят фарами,
поезда гремят колёсами.
кажется, все так просто,
что хочет просто улыбаться и плакать.
пока мокрый снег одевает берёзы.

ноябрь, скажи,
прожили ли мы эти годы?
были когда-нибудь молоды?

мороз кусает за нос.
пора домой,
а то холодно.

когда-нибудь ты осознаешь,
что все тебя обожают.
твои фото будут мокрыми от сока фанаток.
твои стихи разбросают по пабликам

в виде красивых цитаток.
на остановках, где собираются утром
несчастные люди,
напоминать о тебе будут плакаты
твоего нового сольника
в том самом баре, где начинал ты.
успех вскружит голову,
как ветер листья,
которые собирал дворник в парке.
на обложке твоей новой книги,
ты сидишь
и загадочно куришь под аркой.
подарки
в виде цветов и пива крафтового
украсят твой номер в отеле
и холодильник.
пора бы
иди на телевидение
и с улыбкой вещать,
как ты рад был
своей заслуженной славе
в этом мире поэзии,
с которым связался
и который тебя доводил до отчаяния.

ты стоишь на вокзале.
тебя провожают.
малознакомые и незнакомые люди.
когда-нибудь ты осознаешь,
что все тебя обожают,
но никто не любит.

давай потанцуем, детка.
а что нам ещё остаётся?
вставай на мою табуретку,
пытаясь достать до солнца,
пытаясь потрогать небо
серое и безжизненное!
я засуну пальцы в розетку,
а ты обними и держи меня!
я резко схвачу твою талию,
чтобы ты загорелась со мною!

хочешь, полетели в Италию
если нас ещё не закроют.

если нас с тобой не поймают,
мы будем танцевать как бессмертные!
это жесткая сильная мания,
передаваемая только таблетками!
это сильная страстная мания,
которую не опишешь вкратце!
нам уже ничего не осталось -
мы вместе сгорели в танце!